

САТИРИКОН

Новогоднее гадание в Кремле

...любят, не любят, плачут, подсаживают,
в сердце присматривают, а в чорту докладывают!

— Надеюсь, что на этот раз меня ожидают приятные сюрпризы!

ВЕНКОМУ КОНГРЕССУ

ПО ЕГО ВЕСУ

На венский стул Сосо залез
И приказал открыть Конгресс,
Конгресс в защиту мира
И... своего мундира.
Там куры слушают лису,
«Трава и листья пьют росу», —
Поет она красиво,
Но вальс звучит фальшиво, —
Поскольку, головы кружа,
Всех кур зарезать без ножа
И в этот раз стремится
Советская лисица.

Ник. ОЛИН

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Рис. ТОРСО

Таким спортом мы занимаемся

А о таком мечтаем

С Новым Годом!

Снова приходят дни, мимо которых человек не может пройти без волнения.

Новый Год... Каждый раз вызывает он совсем особые чувства, такие чувства, которые в сумятице повседневных дел триста шестьдесят пять дней покоятся в глубине души.

Такие же чувства будит Рождество. Праздник мира и детской радости жизни — в наши дни он особенно значителен. В наши дни он — утверждение грядущего всеобщего освобождения от разлитого по всему миру кошмара коммунизма.

И, вот, в эти дни «Сатирикон», вовсе не отказываясь от своей сущности, становится на время «серьезным» и хочет поговорить с читателем «совсем серьезно».

Новый Год... Это еще одна ступень по дороге в вечность. Это еще один переиденный рубеж по пути к счастью. Да, Да! К счастью!.. «Сатирикон» верит в общечеловеческое счастье, как бы это не казалось наивным. И раз так, то каждый новый год знаменует его приближение.

Нам хочется вспомнить по этому случаю знаменитый афоризм Владимира Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полета»... В этот то полет и направляем мы, по мере наших способностей, наших читателей. Мы знаем очень хорошо, что это не легкий полет, что бури и смерчи будут сбивать с прямого пути, но впереди — огни... Огни свободы, подлинно человеческой жизни. Той жизни, о которой в рождественском песнопении говорится: в человецех благоволение...

Мы знаем очень хорошо также, что путь к «благоволению» — это путь борьбы. Борьбы упорной и тяжелой, но победа в которой обеспечена. В праздничные дни мы не хотим и не будем гово-

рить о врагах, но мы их всегда помним. И теперь, на пороге Нового Года, вопросы борьбы нас занимают больше, чем чтонибудь иное.

Что наша жизнь? Борьба! Для нас это — закон. Для нас это — долг. Это то обязательство, которое жизнь наложила на всех — во имя торжества правды. В Новом Году мы должны ближе подойти к победе — и подойдем!

На земле мир... Нет такого угла на нашей планете, где бы этот раздавшийся почти две тысячи лет тому назад «лозунг» не манил человека. Но... Но в мире нет мира. Он придет, когда мы подойдем к нашей победе. В Новом Году мы приближимся и к этому.

Российская эмиграция встречает 1953-ий год бодро и уверенно. Уходящий 1952-ой создал многие реальные предпосылки для успеха ее политической работы. Силы организуются и активизируются... В этом залог успеха.

«Сатирикон» зовет, вступая в Новый Год, к дальнейшему сплочению всех наших сил, к упорчению общего сотрудничества. «Сатирикон» зовет к участию в борьбе всех.

За Родину! За наш народ! За Россию!

С Новым Годом, дорогие читатели! Верьте, что будущее — светло и красиво.

Верь в лучшее — и оно придет. С новым счастьем, дорогие читатели!

ПЕРЕ-ПЕРЕМИРИЕ

На нью-йоркской ассамблее Один рычит, другие блеют И вновь, конечно, не о-кей Дела в корейском тупике. Но я доволен, что индус, Внося в ООН на обсужденье Своё овечьё предложение, Влип в неожиданный конфуз. Все были «за», Вышинский — «против», Хотя и в этот раз шакал Кричал о мире, о народе, Который он же сам предал. Что ж! Пусть по новому примеру Увидят все, что пред зверьем И Неру можно быть, но в меру, А лучше быть богатырем.

Ив. ТЯПКИН.

В порядке новогодней шутки

Образованная Анита

Мадам Анита — по национальности и по профессии цыганка. Она проживает во Франции. Недавно, в связи с одним маленьким недоразумением, ей пришлось подписать полицейский протокол. Мадам Анита поставила под ним три больших креста.

— Почему вы ставите кресты? — удивился жандарм, который уже не первый раз составлял с Анитой протоколы. — Ведь до сих пор вы всегда подписывались тремя кругами?

— Да, но теперь я вышла замуж и, следовательно, переменяла фамилию.

Кроме общей культуры нам лично нравится в Аните тонкий подход к делу: крест как нельзя более удачный символ для бракосочетания.

„Борцы за мир“

Испокоин веков человечество боялось войны.

Теперь оно начинает бояться мира.

Вернее, не мира, а «борьбы за мир». Ибо эта борьба принимает угрожающие размеры.

С кафедры ООН борется за мир товарищ Вышинский. Этот миротворец вкладывает в дело «борьбы за мир» много темперамента. У Гоголя упоминается учитель, который принимался ломать стулья, как только заходила речь об Александре Македонском. Так и товарищ Вышинский. Чуть вопрос коснется мира, как он прямо таки сам не свой! До чего страстно любит мир этот человек! Стульев, правда, он пока не ломает, но зато в выражениях не стесняется. Не жалеет, так сказать, ничего для того, чтобы создать мирную, дружескую атмосферу. Временами кажется, что он вот-вот схватит зубами за ногу какогонибудь делегата, в глазах коего не усмотрел достаточно мирных намерений.

Но если в ООН это еще кажется, то за стенами ООН уже не кажется. Потому что, действительно, хватают. Например, в Германии. Всем известны случаи, когда вестники мира в форме «фолькс-полицейских» или в штатском, захватив с собой вместо масличной ветви автоматические пистолеты, проникали в западные зоны Германии, хватали там «врагов мира» и волокли их в восточном направлении. Правда, далеко не всегда эти операции протекали благополучно. Но это уже не вина сторонников мира. В «борьбе за мир» они проявили большое служебное рвение.

В этом отношении «борьба за мир и свободу» очень напоминает так называемую «борьбу свободным стилем» или «кэч». Основной принцип этого вида спорта, весьма популярного в некоторых цирках, заключается в том, что борец может хватать своего противника когда угодно и за что угодно. Отсюда и слово «кэчеры», что значит «хвататели». Нам кажется, что с этой точки зрения имеет смысл выражение «борцы за мир» заменить термином «кэчеры за мир» или «кэчеры мира».

Но «борьба за мир» не ограничивается одним только хватанием. «Борцы за мир», «сторонники мира» и прочие ревнителю, как известно, устраивают собрания, заседания и конференции. Конгрессы мелькают, буквально, как экспрессы.

Вот и сейчас, когда пишется эти строки, идет подготовка к очередному «конгрессу мира» в Вене. Как протекает это мирное начинание, нетрудно представить себе по газетным заметкам.

Стройные колонны «бойцов за мир» шествуют по венским улицам и, по знаку опытных дирижеров, дружно вопют:

— Мы за мир! Мы за мир! Мы за ми... А этот, который возле фонаря, почему не кричит? Дай-ка ему р-раз по кумполу!.. Ага, теперь и он за мир? Не отвечает? Мир его праху в таком случае...

Жители Вены иногда шарахаются в сторону, услышав дикие крики, несущиеся из окон фешенебельного здания:

— Что это? Кажется, человека убивают?

— Пока еще, собственно говоря, нет, — поясняют местные жители. — Это про-

водят репетиции к декабрьскому «конгрессу мира».

Каковы истинные цели коммунистической «борьбы за мир»?

Ответить на это нетрудно. Ведь, советские вожди давно уже сказали: «Хочешь мира, готовься к войне». Но лучше всего высказался по этому поводу британский высокий комиссар в Вене, сэр Гарольд Кассиа. В связи с шумом, поднятым устроителями венского «мирного» конгресса, он заявил:

— Когда дипломаты начинают подготавливать войну, они особенно громко кричат «мир». Если какой-нибудь министр иностранных дел отстаивает мирную конференцию до последней капли крови, то можно быть уверенным, что его прави-

тельство уже дало приказ на новые дредноуты и самолеты.

— Чушь! Клевета! Это слова поджигателя войны! — завопили «прогрессивные» круги в Вене и за ее пределами.

— Может быть, может быть, — задумчиво сказал сэр Кассиа. — Впрочем, вам виднее. Ведь это, собственно, не мои мысли. Я позаимствовал их у товарища Сталина.

Оказывается, остроумный комиссар почти буквально процитировал статью Сталина, написанную им в 1913 году. Тогда Иосиф Виссарионович еще не знал, что будет возглавлять «всемирное движение борцов за мир». Пути Господни неисповедимы!

АП

И ВИДИТ ОКО, ДА ЗУБ НЕЙМЕТ

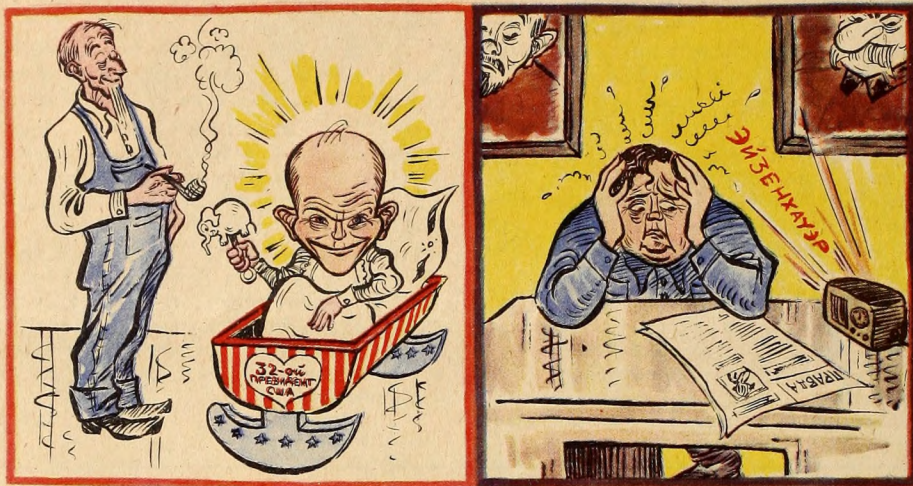
Рис. АМБАХА

— Срубил бы я эту елочку, да высоко растет!

К президентским выборам в США

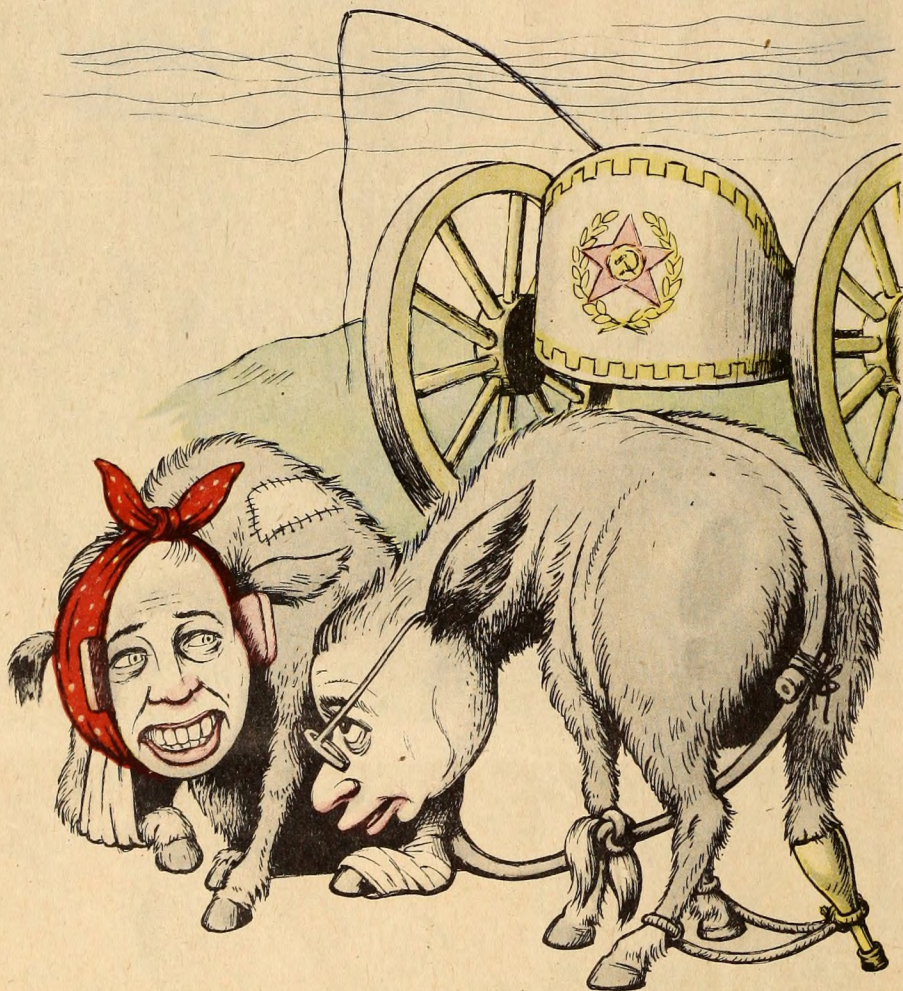
Рис. А. ЕНЦЕВИТСКОГО

Радость в Белом Доме и печаль в желтом доме

ДВА ОСЛА, НА КОТОРЫХ СТАЛИН НАДЕЕТСЯ ВЪЕХАТЬ В ЕВРОПУ

Рис. Н. ОЛИНА

ТОРЕЗ: — Как ты думаешь, скоро нас погонят?
ТОЛИАТТИ: — Я думаю, что кучер и наши народы довели нас до того, что на нас далеко не уедешь.

Шила в мешке не утаишь

Однажды один из членов магистрата г. Пазевальк, лежащего в восточной Германии, прогуливался по Грюнштрассе. Проходя мимо дома № 16, член магистрата заметил мемориальную доску, разбитую грубой рукой вдребезги. При ближайшем рассмотрении оказалось, что доска была посвящена памяти «революционера и борца за свободу Фердинанда фон Шили».

Что произошло в этот момент в душе члена магистрата, мы не знаем. Скорее всего, ему захотелось заработать и для себя маленький революционный капитал. Во всяком случае, он явился в магистрат в весьма разгоряченном состоянии и потребовал немедленного расследования этого возмутительного факта

— Позор! — кричал он. — В то время, как мы должны каждую минуту, каждую секунду помнить имя нашего незабвенного товарища, э... м-э...

— Ш-ш-шила! — подсказал секретарь.

— Вот именно! В это же время доску с дорогим для нас именем разбивают национал-социалистические вандалы! Не говоря уже о том, что сама доска, по моим подсчетам, стоит минимум пятнадцать марок.

Отцы города (кому жизнь не дорога!) дружно поддержали своего коллегу. Делу был дан ход, и вскоре следствие увенчалось успехом. Но лучше б оно не увенчивалось. Ибо выяснилось, что мемориальная доска, посвященная фон Шилю, был разрушена... по постановлению — самого магистрата. Было это в другие времена, когда были другие птицы и другие песни и старожилы из магистрата этот факт малость запомнили. А теперь он неожиданно всплыл на поверхность. Следственные власти обнаружили даже протокол с роковым решением, под которым красовались подписи отцов Пазевалька, в том числе и собственная подпись члена магистрата, неосторожно вызвавшего из тьмы забвения тень революционера Фердинанда Шили...

И вот, приближается Рождество и «Сильвестерабэнд», а на душе у членов пазевалькинского магистрата невесело.

— Лучше всего было бы это дело забыть, — рассуждают они, — это было бы весьма приятно, но, к сожалению, в данный момент уже невозможно. С другой стороны, можно было бы привлечь самих себя к ответственности и примерно наказать. Это вполне осуществимо, но, так сказать, не весьма приятно...

— Н-да, это походило бы на один случай, описанный у русского писателя Кокколя, когда вдова одного обервахтмейстера принуждена была сама себя высечь, — замечает глава города, на всякий случай досконально изучивший русскую литературу.

Что мы можем сказать от себя по этому поводу? По нашему мнению, вся беда в том, что пострадавшие — старожилы города Пазевальк. Как известно, основное свойство старожил — это чегонибудь «не упомянуть». Вот и на этот раз «старожилы не упомянули!».

АП

— Нет, моя проклятая кляча, видимо, не возьмет этого забора!

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Дорогой читатель! Когда ты развернешь восемнадцатый номер нашего журнала, на пороге Твоего дома будет стоять Рождество (по крайней мере мы надеемся, что эти два момента совпадут). В твоей празднично убранной комнате зимний запах хвои будет смешиваться с летним запахом восковых свечей.

В эти дни душевного отдыха не хочется думать о мировых проблемах, сгустившихся на горизонте. Не хочется думать о кризисах, конфликтах, о холодной и горячей войне. Хочется чего нибудь светлого, радостного, или, на худой конец, веселого и забавного. Постараемся на сей раз учесть праздничные настроения наших читателей.

Как Круппа взяли на пушку

Что ни говорите, но дело мира, как никак, продвигается вперед. За доказательствами ходить недалеко. Например, во время торжественного обеда, состоявшегося в эссенском отеле «Кайзергоф», директор крупповских заводов Иоганнес Шредер так прямо и заявил:

— Мы не хотим больше строить пушек!

Круппа за мир — это уже, так сказать, круппное достижение!

Директор Шредер не ограничился, однако, одним голым призывом к миру, но и обосновал свои мирные идеалы:

— Во время последней войны — сказал он, — мы построили нашу знаменитую «севастопольскую пушку». Орудие обошлось нам в 20 миллионов марок. И что же? Военное министерство предложило нам за него только 5 миллионов! Возмущенные, мы отдали пушку даром. Теперь вы, вероятно, понимаете, почему мы говорим: пожалуйста, никаких пушек больше!

Мы считаем, что аргументы директора Шредера в пользу мира очень убедительны. Пятнадцать миллионов убытку на одной пушке — от этого поневоле станешь миролюбивым!

О пламенности и малограмотности

Всяким организаторам «революционных акций» последнее время не везет.

Не так давно американский министр армии должен был посетить Италию. Зная о том, что итальянская коммунистическая партия пользуется сейчас особым вниманием «папы Сталина», и учитывая горячий темперамент итальян-

цев министр, естественно, ожидал каких-либо враждебных демонстраций.

К его приятному удивлению, произошло нечто совершенно обратное. В порту, куда он прибыл, а также на улицах, по которым он проезжал, заборы, стены домов, и проч. были испещрены приветственными надписями.

— Кто писал эти любезные фразы? — поинтересовался министр.

— Вероятно, коммунисты, — пожимая плечами отвечали сопровождавшие его итальянцы. — На заборах у нас пишут преимущественно коммунисты и уличные мальчишки

И только вечером, когда в местном комитете коммунистической партии разразился грандиозный скандал, всем стало ясно, что именно произошло.

В виде протеста против приезда американского министра армии, местные партийцы решили выдвинуть лозунг «Мы хотим мира!» Этим изречением они и измарали все окрестные здания. Но при этом «пламенные революционеры», очевидно, не знали, что слово «мира» пишется по итальянски совершенно так же, как фамилия министра по английски: «Рассе». В результате у них вместо «Мы хотим мира!» получилось «Мы хотим министра!»

ЮМ

„НОВЕЙШИЕ“

„НОВЕЙШИЕ“

Ф. АРНОЛЬД

Дружеские шаржи
УЛМАНА (США)

В. НАГАЙНИС

П. КОРНЕИЧУК

Н. БАРИЦ

Перед Рождеством с вами начинают заводить странные и непонятные разговоры. Например:

— Как вы думаете, Александр Александрович, придает портсигар элегантность мужчине, или нет?

— А Бог его знает, придает, или не придает. Я никогда не думал на эту тему.

— Гм... если вы никогда об этом не думали, то скажите, по крайней мере, какой портсигар больше украшает человека — металлический, или кожаный?

Но, несмотря на влекущую атмосферу тайны, «подарок самому себе» имеет перед «сюрпризом» крупное преимущество: он безусловно нужен.

Мы вспомнили об этом в связи с тремя подарками, которые преподнесла себе российская эмиграция.

Подарок № 1: образование Координационного Центра Антикоммунистической Борьбы. Как известно, наши политические объединения долго «примеривались» прежде, чем решиться на этот шаг. Что ж, русская посло-

вица говорит: «семь раз отмерь, на восьмой отрежь!» Мы верим, что на этот раз наши политики, действительно «отрезали», — отрезали пути вспять, к «пройденному этапу», когда каждая организация жила себе таким «кустарем-одиночкой».

Подарок № 2: съезд и перевыборы «НАЦПРЭ» — нашего национального представительства в западной Германии. «НАЦПРЭ» не только съехалось и перевыбилось, но и, повидимому, нащупывает твердую почву для работы. А «твердая почва», как это ни странно, может очень и очень смягчить жизнь нашего брата в иностранном окружении!

Наконец, подарок № 3 — Первый Съезд Послевоенных Эмигрантов, в результате которого в Германии создано объединение «новейших». Это и впрямь дорогой подарок! Теперь мы можем воскликнуть: «С новыми силами к новым боевым задачам в Новом Году!»

Что и говорить, мы сделали себе неплохие рождественские подарочки!

И. КРАВЕЦ

Н. КОБАКОВ

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

ОПЯТЬ подходит Новый Год
И мы, не зная, что нас ждет,
Решаем: будь, что будет!
Одним — дворцы, другим — погост...
Позвольте ж мне сказать вам тост,
Друзья мои, солуги.

Я пью за вас, друзья мои,
Кто, не страшась, идет в бой
За счастье Человека,
За вас, кто все свое отдал,
Чтоб Человек свободным стал
Отныне и до века.

Я поднимаю свой бокал
За всех, кто честно воевал
В боях за власть Советов.
Кто коммунистам доверял
И только ныне осознал,
Как глупе было это.

Осушим же до дна бокал,
Чтоб коммунизм совсем пропал
И мир преобразился,
Чтоб в этот миг «отец родной»

* * *

Николай ОЛИН

* * *

Там, за кремлевской стеной,
Селедкой подавился.

Еще бокал хочу поднять,
Чтоб все мы лучше понимать
Друг друга научились,
Чтоб не пытались обмануть,
Чтоб не сошли на скользкий путь
И с чертом не мирились.

Сегодня выпиваю я
За то, что мир — одна семья,
Не знающая страха,
За белых, черных и цветных,
За греков, турков и иных,
За Будду и Аллаха.

Я поднимаю свой бокал
За самый ценный капитал,
За Правду и Свободу,

Чтоб он по сейфам не лежал,
Чтоб он всегда принадлежал
Не власти, а народу.

Я пью за праведных борцов,
И седовласых, и юнцов,
За счастье миллионам,
За жизнь без горя и тоски,
За то, чтоб вправил Бог мозги
Различным эчисонам.

Я пью, друзья, шестой бокал...
Что?.. Как?.. Я двух не досчитал!
Ну, я — не математик...
Так вот, я пью восьмой бокал
За... как я только что сказал...
Налей еще, приятель!..

Спасибо, Так!.. Я, значит, пью
За нашу дружную семью,
З-за... Как его? Простите!..
За мир, за... за... за весь народ,
А дальше... К-как хотите,
Но вы меня на Новый Год
До дома доведите.

«Экономическая»
проблема
социализма
в СССР

ПРОФЕССОР Пулков поехал в Ленинград в научную командировку. Проходя по коридору Оптического института, он поскользнулся на паркете, хотел удержаться за стену, но не удержался и упал. Когда к нему подбежали следовавшие за ним сотрудники он был уже мертв.

Тело профессора, окруженное цветами, положили в институтской библиотеке. В Москву полетела телеграмма-молния, извещавшая о случившемся, а замдиректора по хозяйству понесся на рынках в ближайшее похоронное бюро, чтобы заказать для заслуженного покойника самый лучший гроб.

Гробов, однако, не оказалось: ни хороших, ни плохих.

— Подождите, вот после праздников ожидаем эшалан из Архангельска! Зампохоз бросился в другое бюро.

— Извините, почтеннейший, но с гробами дело гроб!

Не было гробов ни в третьем похоронном бюро, ни в тринадцатом. Во всем Ленинграде, готовившемся встречать Новый Год, не было ни одного гроба.

Зампохоз доложил обстановку секретарю парткома, заместителю по научной части и самому директору. Все трое выразили твердое убеждение, что если бы зампохоз был несколько умнее,

ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ

то его можно было бы назвать идиотом.

Шел уже третий день. Зампохоз, вероятно, застрелился бы или сошел с ума, если бы ему во время не пришла в голову счастливая идея — напиться до потери сознания. Однако, перед тем, как погрузиться в Nirvanу, он успел послать в Москву отчаянную телеграмму следующего содержания:

«несмотря свои ученые заслуги профессор не выдерживает тчк коммунистическим приветом тчк побегайло».

Ученый совет московского института откуда прибыл профессор Пулков долго изучал этот документ. Наконец, директор института послал на выручку двух молодых кандидатов наук.

— В сущности, ремесло ученого сводится к тому, чтобы перехитрить природу, — сказал один из кандидатов. — Почему бы нам не поступить вот как...

Пассажиры, торопившиеся на экспресс «Красная Стрела» могли видеть двух молодых людей, тащивших под руки подгулявшего старичка профессора, в темных очках и нахлобученной на глаза шляпе.

— Я думаю, мы честно заработали по рюмке коньяку — сказал один из моло-

дых людей, когда поезд загремел на стрелках. Сунув в руку профессору, на всякий случай, газету, они направились в вагон-ресторан.

В сущности не могло произойти ничего страшного и молодые люди разрешили себе и по второй и по третьей рюмке. Когда они «разрешили» себе по десятой или двенадцатой, экспресс остановился на станции Бологое. Именно на станции Бологое вошел в купе четвертый пассажир. Войдя в купе, четвертый пассажир увидел дремавшего с газетой в руках старичка профессора, вежливо поздоровался и полез на полку.

Пассажир неосторожным движением столкнул с полки ящик с поклажей. Ящик встретил голову профессора и мощным ударом поверг его на пол. Профессор уткнулся носом в линолеум. Пассажир спрыгнул с полки и констатировал сразу две вещи: смерть и убийство. Сообразив это, он открыл окошко и пустил тело профессора под откос.

В следующую минуту в купе вернулись кандидаты. Некоторое время стояла зловещая тишина. Потом один из молодых людей осторожно спросил:

— Послушай, хозяин, не видал ты здесь нашего профессора?

— Профе... Профессора?... Он... того... вышел покурить!

С.Б.

НОВОГОДНИЙ РЕ

Рис. А. ЕНИСЕЙСКОГО

ПЕРТУАР В СССР

38°
КОРЕЯ
38°

БиБиСи

"КОРНЕВИЛЬСКИЕ КОЛОКОЛА"

ГОЛОС АМЕРИКИ

СВОБОДНАЯ ПРЕССА

"БОРИС ГОДУНОВ"

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН"

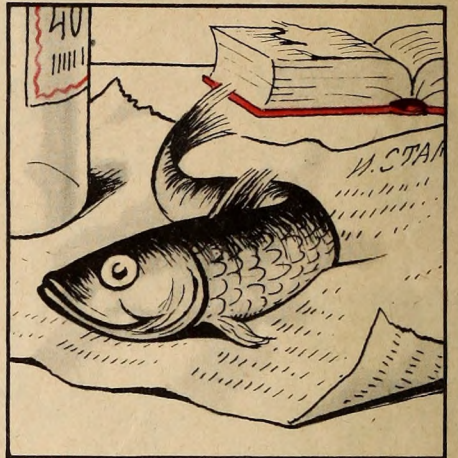
Куда, куда вы удались..?!

Восточная Германия
← ЗАПАД

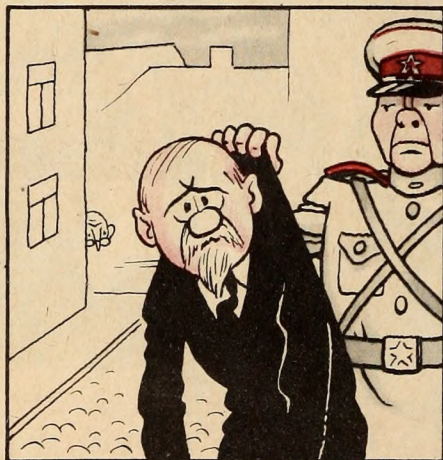
Друзь

Основные законы диалектического материализма

Рис. Н. ОЛИНА

КОЛИЧЕСТВО ПЕРЕХОДИТ В КАЧЕСТВО

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

ПОД НОВЫЙ ГОД

Рассказ
Г. ГОРИНА

К октябрьскому празднику стахановцу фабрики «Скорород» Ивану Егоровичу Костылеву дали квартиру в новом доме. Из двух комнат в кухне. Узнала об этом теща из Парголова и, вдруг, в ночь под новый год заявила с корзинкой и чемоданом.

Иван Егорович постарался скроить радостную улыбку:

— Милости просим! Будьте, как дома!

Теща освободила одну комнату, детские кровати перенесли в кухню. Старухе надо было уважать: у нее свой домик в Парголове, индивидуальное хозяйство в виде огорода, козы и дюжины кур. Теща может пригодиться: сегодня — стахановец, почет тебе и уважение, а завтра можно всего лишиться и из квартиры выпрут. А у бабушки для ребят всегда угол найдется.

Вечером зажгли для детей небольшую елку и сели за стол встречать новый год. Бабушка рассказывала внуку и внучке о годах счастливой молодости.

— Ворожили мы раньше всегда на святках: воск топленный в воду лили, в трубу кричали, башмаки за ворота кидали...

— А зачем? — некрепшим басом спросил юный пионер Федька.

— Суженого ищали.

— А если бы башмаки сперли, в чем ходить тогда?

— Так мы те, которые дохуже. Ведь не так, как теперь жили: не одна пара обуви была. Ну, а один раз решили мы с подругами в зеркало смотреть. И, вот, я одна в бане осталась. По углам темно, только перед зеркалом свеча горит. Страшно! И вдруг вижу: гроб стоит!.. Черный такой гроб и покачивается!.. Не помню, как до дому добежала!

— Мама, я боюсь! — вскрикнула октябренка Вера.

— Дура! — сказал Федька. — Это у тебя, бабушка, была... эта самая... иллюминация.

— Галлюцинация, — поправил Костылев.

— Не знаю, что было, а только гроб мне и вышел!

— Как гроб? Ты, ведь, не умерла?

— Не умерла, но просватали меня за мужа, за вашего дедушку, значит...

Новый год встретили. Старушка пошла в свою комнату. Надела чепец, ночную рубашку, помолилась Богу, зевнула раза четыре и полезла под одеяло. Дочь пожелала спокойной ночи, выключила свет и оставила гостью одну.

Старухе не спалось в непривычной

постели. За окном бушевала вьюга и стекла вздрагивали. Вдруг раздался сильный треск, что то застучало по стене и по окну и с грохотом упало на землю.

— Помяни, Господи, царя Давида... — зашептала бабушка, быстро крестясь под одеялом.

На минуту наступила тишина. Но внезапно, будто невидимая рука распахнула окно, в комнату ворвался холодный ветер. У окна что-то белое взметнулось до потолка и затрепетало, забило, захлопало. Паркет затрещал, как будто, под тяжелыми шагами. Старуха перестала дышать от ужаса и дико смотрела в темноту. Потом медленно, с легким скрипом, начала открываться дверь. Ветер взвился по всем углам и белые тени снова заметались у окна. И,

Иллюстрации
ТИТА

вдруг, дверь со всей силы захлопнулась. В тоже время бабушка почувствовала, как что то твердое и тяжелое стукнуло ее по голове и на лицо брызнули ледяные капли.

С пронзительным криком вскочила она с постели, чтобы бежать в соседнюю комнату к дочери, но кто то невидимый и страшный схватил за подол рубашки и тянул назад. Несчастная старуха безумно завопила и упала на пол без сознания.

Очнувшись она в той же постели. Около нее сидели зять и дочь, прикладывая компрессы на голову и грудь.

— Что это было? — слабо спросила гостья.

— Не волнуйтесь, мамаша, — ответил зять. — У нас это случается! Дело простое: строители допустили некоторые дефекты и недостатки. Сначала обвалился карниз и, конечно, произвел некоторый шум. Оконные и дверные рамы имеют перекосы и поэтому во время ветра окна и двери открываются и закрываются самостоятельно. Конечно, летят занавески и шторы и образуют в темноте очень причудливые фигуры. С непривычки, правда страшновато... Паркет рассохся, трещит и кажется, что кто то ходит.

— А на голову что мне упало?

— Это штукатурка с потолка. Вверху водопровод испорчен, вода к нам протекает, ну штукатурка изредка и падает. Вам еще повезло: упал всего кусочек граммов на двести, а вот соседу свалился на череп комок килограмма на два, — в больнице лежал...

— А кто меня за подол держал?

— Кровать у нас немного не в порядке, я ее проволокой скрутил. Вы на проволоку и наделись... Но это ничего — поживете недельку — другую, привыкнете!..

— Чтоб я здесь жила? С первым же поездом домой еду! Моему домишке шестьдесят лет, да еще столько простоит и никакой чертовщины не водится! Живите уж вы в этих ваших новостройках, а с меня хватит!..

Старушка сбросила компрессы и ухватилась за чемодан и корзину.

— Правильно говорят, что нет худя без добра, — рассказывал Костылев своим знакомым. — Если бы не строительные дефекты, то теща прожила бы недели две. А теперь больше не приедет. И нам покой, и ей безопасней...

Ночь под Рождество

Под Рождество и в сем году
Созвали всех чертей в аду
И должен вновь хвостатый клан
Создать оперативный план.

Когда зятых всеобщий гул
Взял слово «папа» — Вельзевул:
«Друзья! Скажу вам без прикрас,
Дела весьма плохи у нас,
Сейчас вон тот почтенный сэр
Даст сводку по СССР,
Месье Рогов, зи хабен ворт!»
В углу поднялся старый черт,
«Геноссеи! — он сказал, гнуса,—
Картина изменилась вся.

Все то, что Гоголь сочинил,
Не стоит пролитых чернил.
Скажите Сталину мерси —
Вы не узнаете Руси.

За тридцать пять последних лет
Там нам, чертям, работы нет!»

В аду поднялся страшный крик:
«Оратор спятил!», «Врет старик!»
Собравшиеся впали в раж,
Раздалось слово «саботаж».
Но старый черт сказал: «Момент,
Мы сделали эксперимент
И я прошу почтенный ад
Сперва заслушать мой доклад.
Известно всем, что черен черт,
И чернотой своею горд.

Но от энкаведистских дел
Смотрите, как я побелел!
Хоть мы решили в нашу рать
Русалок мобилизовать,
И леших к акции привлечь —
Дает наш челн все больше течь.
Русалка выплывает на мель —
Русалку сразу в «Рыбартель»!

А лешему не одному
Пришлось идти на Колыму,
Их там, лишив гражданских прав,
Поставили на лесослав...»
Поник докладчик головой.
В аду раздался дикий вой...
И я проснулся весь в поту.
Как будто побывал в аду.

ГОГОЛЬЯНЕЦ

УВАГА КЛИВ! ГОВОРИТЬ

3 ТОГО часу минуло рівнісінько 30 років. В селі Підгайному „функціонував“ ще тоді о. Олександр Данилевський. Наше завдання — моє, мого приятеля Лаврентія Цигикало і студентки Клеопатри Косько (більш відомої під прозвиськом „Морква“) — полягало саме в тому, щоби паралізувати згубний вплив о. Олександра. З цією метою профком ветеринарного інституту, в якому ми навчалися, і спрямував нас до села Підгайного на перший день Різдва Христового.

Але чи то селяни в Підгайному були занадто розумні, чи ми не досить щірі, так чи інак наш виступ закінчився невдачею. Наші хемічні „чудеса“ не витанцювалися, „вкриття „релігійних забобонів“ було якесь мляве і непереконливе. Словом, о десятій годині вечора ми опинилися на свіжому, здорово-

Про забобони, або свиня-барометер

му морозяному повітрі. До залізничі нараховували дванадцять верст „з гаком“. Крім того найближчий потяг вирушав наступного дня ввечері.

— Отже, товариші, „что делать“, як сказав би небіжчик Чернишевський? — звернувся я до своїх супутників.

— Тепер самий час зробити ще одне, додаткове чудо — відказав Цигикало, — але про чудеса я не можу згадувати без огиди.

Поки ми тупцювали на місці, якась постать у кожусі виникла з темряви і, вклоняючися, наблизилася до нас.

— Чого вам треба? — запитав я трохи нервово.

— А я від панотця Олександра, — пролунав з кожуха приемний жіночий голос. — Він просить вас не погребувати, завітати до нього на вечерю.

— Як!? Нізащо!! — скрикнув Лаврентій, і раптом увірвав, неначе вражений якоюсь візією. Мабуть, перед його духовим зором повстала святкова сільська вечеря, добре відома йому, як сільському обивателю.

Ходім! — сказав він рішуче, — під три чорти всілякі забобони!

Які саме забобони мав він на увазі в цьому випадку, залишилося трохи туманним.

... І от ми опинилися в світлій, теплій кімнаті, біля столу, вкритого яствами і напоями. Отець Олександр зустрів нас надзвичайно привітно.

— Ну, як, успішно закінчилася ваша антирелігійна бесіда? — запитав він з інтересом.

— Неуспішно. Провалилися! — безтурботно відповів Цигикало, беручися до заливної риби.

— Не провалилися, а селяни нас, мабуть, не зрозуміли, — пояснила Клеопатра — „Морква“, рятуючи нашу честь. — В цьому селі, очевидно, ще дуже закорінені стародавні забобони.

— Ох, як закорінені, — зітхнув о. Олександр, — ви навіть собі цього не уявляєте. Я, знаєте, також поборював тут забобони, і таксамо, зазнав поразки.

— Ви поборювали? — здивувалася „Морква“.

— Поборював, — признався о. Олександр. — Церква блюде віру, але забобонам не потурає. Так ось, уявіть собі такий випадок. Один з наших селян, Федько, — гультай, але хлопець досить спостережливий, — починає безпомилково передбачати погоду. Бува, на небі ані хмаринки, а він жене дівчинку на сіножать: буде дощ. І, справді, — за годину, або дві, — дощ і непогода. Коли ж наші діди приступили до нього, щоб він розкрив свою таємницю, то Федько повів їх до свинарика і показав свого кжура, який називався ВЦІК на честь жовтневої революції.

— мій хренометр. Коли ВЦІК лежить в картоплі, або за клуною, то, значить нічого особливого не передбачається. Коли ж він непокоїться, виходить до воріт і починає чухатись, — акурат буде дощ.

Ну, діди, звичайно, образились і пішли геть. Та через деякий час виявилось, що ВЦІК справді, прорікає погоду...

— Не може бути! — скрикнули ми в один голос.

— Цілком слушно-с, зовсім цього не може бути, — підтвердив о. Олександр. — Десь утворюється дощова хмара, — а тут свиня чухається біля воріт, — яке ж тут може бути співвідношення? Але селяни заявили мені одноголосно, що ВЦІК передбачає погоду правильно. І, нібито, з'явилися ще інші свині, які також дають правдиві прогнози. „Ми — кажуть в цьому не винні, що свиня виявилася розумніша за агронома. Ми тут непричому“.

— Дикі забобони темної маси! — скрикнула Клеопатра.

— Цілком слушно, абсолютне безглуздя — знову погодився о. Олександр. — Тільки ж я ще не скінчив. Ця історія має дуже своєрідне закінчення-с.

Отець Олександр підвівся, лідійшов до полиці з книгами і витяг звідти якусь брошуру.

— Це журнал з нової галузі науки, з паразитології — сказав він. — Я, знаєте, почитую з нудьги. Так ось, уявіть собі моє здивовання, коли в свіжому числі я прочитав про таке: „Останніми дослідженнями встановлено, що в епідермісі свині живуть ектопаразити, надзвичайно чутливі до змін барометричного тиснення. Треба гадати, що ця раса повстала в наслідок природнього добору, оскільки паразитів, позбавлених цієї чутливості, систематично змивало дощем з тіла тварини (свині) і вони гинули, не залишаючи нащадків.“

Нині, при найменшому послабленні повітряного тиску (при „падінні барометру“) паразити ці поспішають „вбуравитися“ у глибокі прошарки шкіри, викликаючи цим в тілі їхнього „хазяїна“ (свині) зуд і примушуючи тварину посилено чухатися біля різних твердих предметів...“ Так ось воно як, — сказав панотець, захоплюючи книжку. — А чи не бажає товариство ще по чарці слив'янки, га?

— Ось, — сказав Федько,

Ю. ТЮТЮН

В американських школах панують реакція і расова дискримінація.

З совєтської преси.

Наступного року в школах м. Вашингтону кількість чорних дітей перебільшуватиме кількість білих.

З журналу „Дер Шпігель“.

Мал. С. БУХТИ-БАРАХТИ

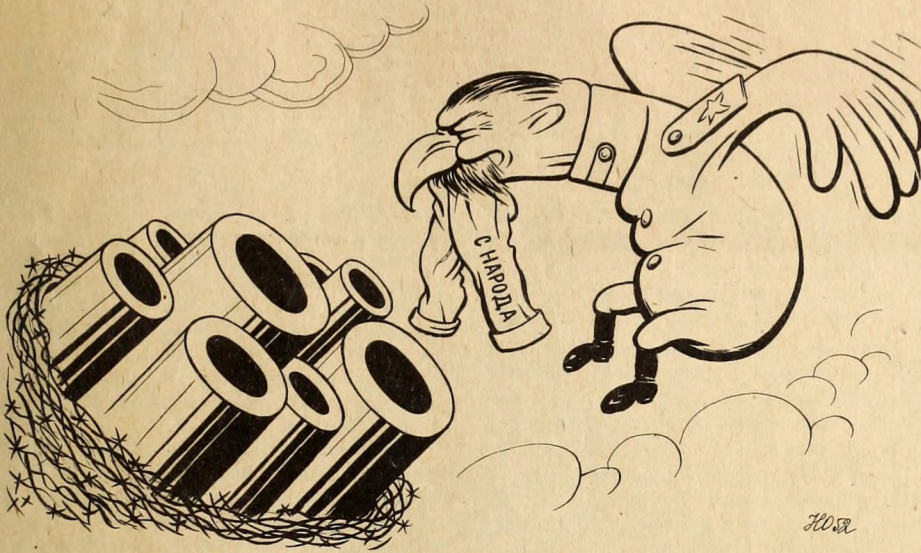
„Чорна реакція“ в американській школі

НЕНАСЫТНЫЕ РТЫ

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ НЕПОКУПКИ

Рис. Н. ОЛИНА

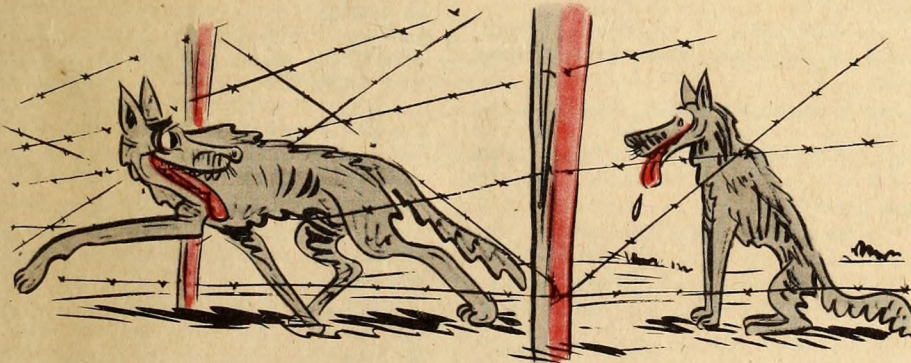
В конце ноября в Советском Союзе праздновался «День сталинской артиллерии».

«ПАПА» КОРМИТ СВОИХ «ПТЕНЧИКОВ»

Рис. ТОРСО

В течение многих веков волки продвигались из западно-германских лесов на восток. В этом году наблюдается необычное явление: волки, переплывая Эльбу, бегут из восточной Германии в западную.

— Сматывай, брат, удочки! Здесь даже люди волком воют!

(Латвийская хроника)

В Латвии праздновать нынешнее Рождество трудно. Если не считать произведений классиков марксизма-ленинизма, то других предметов острой необходимости в продаже не имеется.

*

„Baltic Review“ свидетельствует, что в Латвийской ССР совершенно отсутствуют пряности, хоть многим там и „задают перцу“. Известным утешением может служить то обстоятельство, что кроме пряностей отсутствует и остальное, так что приправлять, собственно говоря, нечего. Продуктов нет, остались только цены. Правда, последние отвечают самым высоким требованиям: мясо 17-25 рублей кило, масло 40-45, и т. д. Так же с мануфактурой и с обувью (т. е. без мануфактуры и без обуви).

*

Говорят, что латвийские хозяйки не потеряли бодрости духа и ведут такие сатирические разговоры о своих предпраздничных покупках:

- Здравствуйте, мадам Билькин!
- Добрый день, мадам Петерс. За покупками не ходили?
- Да, кое чего не купила. Мяса не купила, муки не купила, масла. Масло то нынче кусается...
- Ох, и не говорите. Вчера не было масла по 40, а сегодня уже не было по 42 с половиной. Хотела утку не купить. Уток сегодня в кооперативе не было по 80 целковых.
- У частника, говорят, дороже...
- Да, вот соседка у частника по 120 не брала.
- И хорошие утки? Тьфу! я хотела сказать, и хорошие уток не было?
- Куда там. Смотреть не на что!
- Ц-ц-ц... Вы подумайте!

*

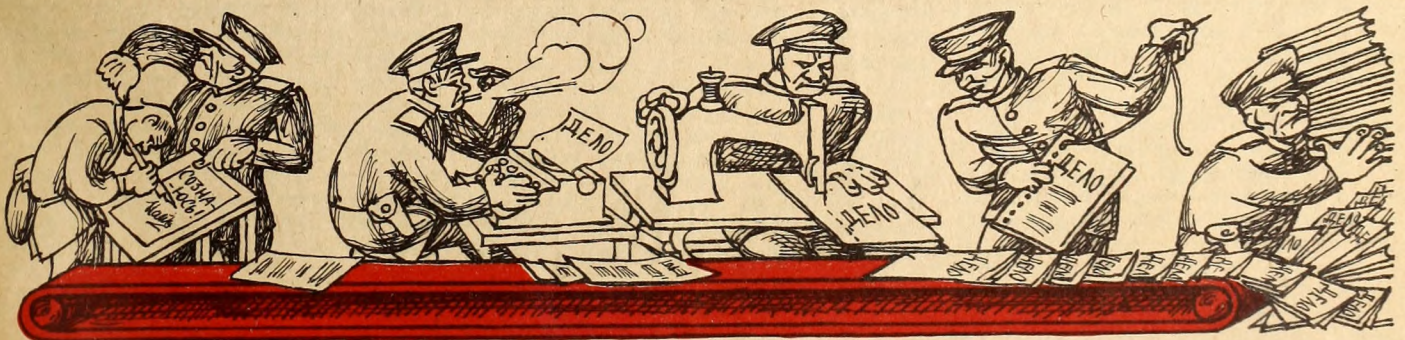
Вообще говоря, всегда лучше смеяться, чем плакать. Но «смех» латвийского народа, попавшего в «коммунистический рай» звучит как то странно.

В этом смехе звенит какой то металл. И нам кажется, что, в конце концов, от этого «смеха» кое-кому не поздоровится. Кое-кому будет не до смеха. По случаю Нового Года пожелаем нашим «товарищам по несчастью», латышам, чтобы этот момент наступил возможно скорее!

НОВАЯ ПОШИВОЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Рис. С. БУХТЫ-БАРАХТЫ

По сообщениям советских газет в 1953 году в СССР будет открыто множество новых пошивочных мастерских.

ШЬЮТ... ДЕЛА!

Ю Р Б О

Партия и правительство в лице товарища Харченко поручили сотруднику журнала «За Социалистическое Мыловарение» Робеспьеру Пулеметову написать святочный рассказ.

— Ты, брат, Пулеметов, не игнорируй, внушительно сказал редактор — ты прояви гибкость... Я тебе сформулирую: раскопай ты, голова с носом, какую-нибудь старорежимную «Ниву», ну, и того...

— Передрать, что-ли?

— Не передрать, а оттолкнуться. Понятно? Конечно, не перегни палку, а этак легонько, знаешь... Создай настроение, а как создал — так уж и крой... Должно получиться как бы вроде — сосвятки. Эх, не могу тебе растолковать! Ты, голова, должен зажечься! Это, брат, главное! Скажу тебе по секрету: идея от самого Кобылевича. Его Фимкин перетягивает в Москву, так он подбирает своих ребят, ну, и нас, конечно. Но — надо себя проявить, понял?

— Вот оно что! — повеселел Пулеметов. — Это другой коленкор. Что ж, мы козырнем!

— Зажегся! — радостно констатировал Харченко. — Так ты, того... Раздобудь пару старых журналов и айда ко мне прямо на квартиру.

Вечером на квартире редактора Пулеметов перелистывал комплект «Нивы» за тысяча восемьсот какой-то древний год. Рядом лежала столь же почтенного возраста «Родина» в массивном переплете. Настасья Панкратьевна, жена редактора, с неподдельным интересом рассматривала картинки.

— Гляди-ка, Петя: «Президент Крюгер в семейном кругу». Борода-то у него из щей растет! А это чего: «Пионеры воздухоплавания»? Какие же это пионеры, — дядьки лет по пятьдесят... Одеты ничего, подходяще. А вон ихние жены... Батюшки, сколько же это макуфактуры на такую юбку пошло!

— Ты, Настя, про себя читай, не мешай сконцентрироваться. Гм... да. Вот это, думаю, подойдет... «Мороз запушил стекла окон и разрисовал их фантастическими узорами. В домике дорожного мастера Ивана Семеновича Кирева затихла предпраздничная суета. Аппетитный запах поджаренных в подсоленном масле пирожков с капустой и грибами смешивался с ароматом начиненного яблоками рождественского гуся и свежим бодрящим запахом хвои, исходившим от стоявшей в углу мохнатой елки, которую украшали старшая дочь Ивана Семеновича Соня и приехавший на ханикулы гимназист второго класса Сенчик. Последний то и дело подбегал к окну и, подышав на замерзшее стекло, заглядывал в небо — не взошла ли рож-

дественская звездочка?..» Предрассудок! — заметил редактор, прерывая чтение

— Что ж, что предрассудок? — отозвалась его супруга, отрываясь от «Родины».

— Жили люди и Бога хвалили. Вот ты, редактор, а вспомни, когда ты этого самого гуся последний раз ел! А тут простые люди — дорожный мастер.

— Дело не в гусе. Слушай, Родион, тобишь, Робеспьер, дальше: «Раздался густой торжественный звук церковного колокола. Пора итти в храм! Соня и Сенчик бросились в прихожую и принялись натягивать на себя шубки...»

— Ишь ты, — сказала Настасья Панкратьевна, — шубки! Небось в шубках зимую-то ходили, не в московшевских трапезонтиках.

— Я думаю, Роди... Робеспьер, здесь есть, от чего оттолкнуться, — деловито заметил редактор. — Этого самого мастера можно сделать знатным сталеваром, снимающим с одного квадратного метра пода печи...

— Мыловаром, — отозвался Пулеметов. — Знатным мыловаром-стахановцем.

— Дельное замечание. Заметано. Гимназиста, конечно, по боку. Пуцай он будет учеником школы трудовых резервов, а дочку — комсомолкой, передовичкой производства.

— Ладно, — сказал писатель. — Гуся оставим?

— Гуся?.. — редактор призадумался. — Кроликом, что-ли, его заменить?

— Важно, чтобы не получилась несообразность, — сказал Пулеметов. — Раньше, бывало, придут из церкви в этот самый — как его? — в сочельник и разговляются гусем. Ну, а в современной обстановке...

— Сам ты, Родя, гусь лапчатый! — воскликнула редакторша. — Где это видано, чтобы в сочельник скромное ели? Это у них гусь-то заранее зажарен, с вечера для первого дня праздника. Сочельник — постный день, чудак-человек! «Разговляются!» Эх ты, темнота народная!

— Оставь, мать, — укоризненно сказал редактор. — И откуда это у тебя настолько старая отрыжка! В общем и целом, гуся по боку! Вместо церкви, ясное дело — клуб. Елка остается. Как там насчет елки сказано: «Верхушка елки была увенчана белоснежным ангелом, крылья которого сверкали и переливались тысячами блестящих, озаряемых трепетным сиянием разноцветных свечей».

— Ангелочек нам ни к чему. — заметил Робеспьер. — Его мы заменим...

— Чортиком замените! — издеватель-

ски сказала редакторша. — Самое для вас подходящее...

Робеспьер фыркнул. Редактор тоже хохотнул, но сейчас же осекся.

— Трудновато, конечно, — сказал он с нарочитой серьезностью. — Но я мыслю себе, Робеспьер Никитыч, — ты сумеешь, все-таки, оттолкнуться...

— Да уж сумею, — ответил писатель. — Не впервой!

Через полчаса в редакторской комнате вокруг стола сидели трое взрослых и возвратившиеся из клуба двое парнишек — сыновья редактора. Пили чай, заедая его темными оладьями, жареными на кользовом «расмасле», и слушали, как редактор читал: «...Старичек-странник, так неожиданно появившийся в доме дорожного мастера в рождественский сочельник, был никто иной, как известный во всей губернии и далеко за пределами ее богатый негоциант. Достигнув старости Кузьма Анемподитович, — так звали его, — употребил свое состояние на дела благотворительности. Много сделал добра этот человек, сам же в простой одежде исходил всю матушку Русь вдоль и поперек, побывал и у киевских угольников, и на далеких Соловках, в обители преподобных Зосимы и Савватия...»

— За что же его на Соловки? — осведомился старший сын редактора Владлен. — Раз он добрый и не контра, стало быть, в перековке не нуждается...

— Соловки, детка, в те времена не то были, что теперь, — сказала мать. — Тогда там хорошо было! Монастыри, храмы, благолепие...

— Помню, — сказал Робеспьер, — дед мой рассказывал... Побывал он там, — возвратился — аж, вроде сияние от него...

— Ты, брат, того... — заметил редактор. — Это самое... понимаешь?

— Извиняюсь! — ответил писатель. — Сияние беру назад. Стало быть, на этом замнем?

— Не надо заминать папка! — воскликнули и Владлен и младший Гошка. — Почитаем еще, здорово интересно!..

Спустя сутки Робеспьер принес в редакцию готовый святочный рассказ. Там было все, что полагается: новогодняя елка увенчанная, конечно, не дьяволенком, а пятиконечной звездой, мыловар-стахановец, снимавший изумительное количество мыла с квадратного метра пода котла, новогодняя радиопередача, заменившая собой удар рождественского колокола и аромат жаренного кролика, смешивающийся с запахом елочной хвои. А вместо старика-негоцианта присутствовал заезжий директор МТС.

Но автор и редактор, подписывавший рукопись к набору, почему-то старались не смотреть друг дружке в глаза.

Невероятно, но — факт!

Львы

Современная жизнь — сплошной парадокс. В Дании возник новый вид экспорта. Там дрессируют львов и вывозят их... в Африку! Мы представляем себе, как трогательно встречаются африканские львы своих собратьев, получивших высшее образование в Европе.

Психологический просчет

Как известно, самые опытные преступники часто делают какой-нибудь психологический просчет, не учитывая какой-либо мелкой детали, что и приводит к крушению задуманного предприятия.

Дуглас Гендерсон и Роберт Уайтфилд, выйдя на свободу после длительного тюремного заключения, раздобыли грузовик, покрасили его в желтый цвет (в этот цвет красят автомобили, состоящие на городской службе в Чикаго), подделали служебные удостоверения, прибыли на городской склад и, будучи туда беспрепятственно допущены, нагрузили свою машину доверху. Но, увы! В этот момент к ним приблизился некто в штатском и предложил проследовать с ним в полицейское управление.

На суде заинтересовались, каким образом полицейский агент раскрыл преступление. Почему он заподозрил именно Гендерсона и Уайтфилда среди сотен других служащих, производивших погрузку?

— Они слишком усердно работали, — ответил опытный детектив.

Сила традиции

Во время демонстрации военного фильма в Англии некий журналист заметил, что при стрельбе из 15-сантиметровых орудий солдат № 6 стоит за пушкой навтыжку, не производя решительно никаких движений. В военном министерстве, куда обратился журналист, никто не мог объяснить, с какой целью «номер шестой» находится при орудии. И только один ветеран англо-бургской войны дал объяснение загадочному явлению: оказывается, в прежние времена № 6 держал под уздцы выпряженных лошадей.

— А ты за что сюда попал?
— Я пограничник. Стоял на посту и не заметил, как Новый Год перешел границу СССР.

Феи летают снова

Атмосфера Рождества насыщена легендами и сказками. Блестящая елка окутана историями о рождественских дедах, заблудившихся странниках и летающих феях.

— Что это такое — «летающая фея»? — с любопытством спрашивают дети, увлеченные святочными повествованиями.

В дни моего детства родители отвечали, примерно, так:

— Это чудесная женщина, которая может очень быстро переноситься через огромные пространства. Она окружена волшебным ореолом, Феи существовали в глубокой древности. В наши дни их больше нет.

Теперь, на святках 1952 года, нашим родителям пришлось бы внести значительные коррективы в свои утвержде-

ния. Ибо «летающие женщины» снова появились в природе. Одна из них даже поставила недавно рекорд быстроты, пролетев огромное пространство со скоростью свыше полутора тысяч километров в час. Правда, летела она не на прозрачных крыльшках, а на ракетном истребителе. Но что вроде «ореола» у нее имелось. Вернее, она сама была Ориоль, Жакелина Ориоль, французская летчица и невестка французского президента. Эта «самая быстрая в мире летающая женщина» получила недавно от французского министра воздухоплавания Монтеля орден «Почетного Легиона».

Мы возвращаемся к «пройденному этапу», когда «все было возможно»!

„САТИРИКОН“

можно получить по нижеуказанному адресу:

„SATIRIKON“
can be obtained from:
„SATIRIKON“
kann bezogen werden durch:

- Argentina:** 3.5 pesos
"Peremoha", 25 de Mayo 479(26), Buenos Aires.
V. Werbitzkij, "Kiosko", Zamudio 5541 Buenos Aires.
D. Konstantinov, "Novoje Slovo" ("Nueva Palabra"), Casilla de Correo 2585, Buenos Aires.
- Australia:** 1 sh 3 d
Mr. I. Wedrow, Russian Book Post 3 Vernon st. Strathfield, N.S.W.
- Belgique:** 10 fr
Librairie Slave, 13 rue Roumanie, Bruxelles.
V. D. Gempel, 326 rue Saint Gilles, Liège.
L. Maslenko, 24 Place des Franchises, Liège.
G. Kartachoff, 81 rue du Preay, Thier-a-Liège.
- Brazil:** Cr. 4.00
Sen. A. Severing, Caixa Postal 2932, Rio de Janeiro.
Sen. L. Rubanov, Caixa Postal 8405, Correo Central, Sao Paulo.
- Canada:** 35 cents
Mr. G. N. Esauloff, 67 Petman Ave, Toronto.
S. Sauer, 118 Smith Str., Winnipeg, Man.
- Chile:** 14 pesos
Sen. N. Rogalev, Allende Padin 2128, (por Beaufeuff altura 1705) Santiago de Chile
- France:** 60 fr
"Le Semis", 6 rue de Bizerte, Paris (17)
"La Renaissance", 73 Ave. des Champs Elysees, Paris (8).
- Great Britain:** 1 sh
Russian Book Shop V. V. Baratchevsky, 26 Tottenham street, London W 1
A. Golovsko, 84 Little Horton Lane Bradford, Yorks.
- Greece:**
George Mazarakis & Co, 9 Patission Street, Athens.
- Iran:**
Librairie L. A. Poppoff, 273 Ave Ferdowsi, Teheran.
- Maroc:** 60 fr
A. Zvikevitch, Boite Postale, Ain-Sabaa, Casablanca.
M. Kouzmenko, Cite Bournazel, Casablanca.
- Norge:** 1 kr
F. Tarakanoff, Krusesgt. 5-b, Oslo
- Osterreich:** 3.5 S
A. Kolomojzew, Salzburg, Lager Parsch, 2/10.
- Sverige:** 1 kr
Bokhandel "Elita", Dalarö.
- Turquie:** 60 pt
Nadir Bek, Karaköy Palas, 3 Kat. No. 14, Galata, Istanbul. Розничная продажа Istanbul, Galata Saray (против английского посольства).
- USA:** 35 cents
Генеральный представитель на США и КАНАДУ
A. J. Neimanis, Distributor Books & Magazines, P. O. Box 430, Flushing, New York, N. Y.
Розничная продажа
A. Beltchenko, 435 20th Ave., San Francisco, Calif.
Mr. W. Boyew, 4852 SO Ashland Ave Chicago 9, Ill
Bookstore W. Magun, P.O. Box 361, Cooper Sta., New York, N. Y.
I. Makohin, 841, N. 6th Str., Philadelphia, P. A. 23.
- Venezuela:** 0.8 boliviar
Alexej Kandaurov, San Lorenzo a San Antonio 20, Parroquia San Jose, Caracas.
В ГЕРМАНИИ цена отдельного номера 70 пфенигов.
При заказе отдельных номеров журнала непосредственно в издательстве — прилагать два международных почтовых купона за экземпляр.

В разработке тем и материалов для этого номера принимали участие: М. Бардин, С. Белоусов, Ю. Большухин, Ир. Бушман, Н. Гурьев, Ю. Джанумов, О. Кромиади, Э. Иванова, А. Михайловский, А. Перфильев и Н. Смирнов.

Редколлегия: И. Ирклев, Н. Ирколин, А. Михайлов (США), Ф. Тарасов (главный редактор), С. Юрасов (США).

Журнал является членом Союза Свободной Прессы Центральной и Восточной Европы, Балтики и Балкан.

Всю корреспонденцию направлять по адресу: „Satirikon“, Frankfurt/Main-West 13, Postschließfach 1364 A

PRINTED IN GERMANY

— Сюда прохвоста Сталина! Терпеть, так всем вместе!

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: Не возра-
жаем против требования товарища
К. Маркса.